

Бедствия БАРРИ

Тысяча ЛУН

Барри пишет невероятно красивым и живым языком,
пульсирующим, подобно песне...

The New York Times

Оглавление

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Глава восьмая](#)

[Глава девятая](#)

[Глава десятая](#)

[Глава одиннадцатая](#)

[Глава двенадцатая](#)

[Глава тринадцатая](#)

[Глава четырнадцатая](#)

[Глава пятнадцатая](#)

[Глава шестнадцатая](#)

[Глава семнадцатая](#)

[Глава восемнадцатая](#)

[Глава девятнадцатая](#)

[Глава двадцатая](#)

[Глава двадцать первая](#)

[Глава двадцать вторая](#)

[Глава двадцать третья](#)

[Глава двадцать четвертая](#)

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги
Себастьяна Барри,
выпущенные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

•

Скрижали судьбы

•

Бесконечные дни

•

Тысяча лун

Себастьян
БАРРИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Sebastian Barry
A THOUSAND MOONS
Copyright © Sebastian Barry, 2020
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Барри С.

Тысяча лун : роман / Себастьян Барри ; пер. с англ. Т. Боровиковой. — М. :
Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-18959-1

16+

От дважды букеровского финалиста и дважды лауреата престижной премии *Costa Award*, классика современной прозы, которого называли «несравненным хроникером жизни, утраченной безвозвратно» (*Irish Independent*), — «светоносный роман, горестный и возвышающий душу» (*Library Journal*), «захватывающая история мести и поисков своей идентичности» (*Observer*), продолжение романа «Бесконечные дни», о котором Кадзуо Исигуро, лауреат Букеровской и Нобелевской премии, высказался так: «Удивительное и неожиданное чудо... самое захватывающее повествование из всего прочитанного мною за много лет».

Итак, «Тысяча лун» — это очередной эпизод саги о семействе Макналти. В «Бесконечных днях» Томас Макналти и Джон Коул наперекор судьбе спасли индейскую девочку, чье имя на языке племени лакота означает «роза», — но Томас, неспособный его выговорить, называет ее Виноной. И теперь слово предоставляется ей. «Племянница великого вождя», она «родилась в полнолуние месяца Оленя» и хорошо запомнила материнский урок — «как отбросить страх и взять храбрость у тысячи лун»... «„Бесконечные дни“ и „Тысяча лун“ равно великолепны; вместе они — одно из выдающихся достижений современной литературы» (*Scotsman*).

Впервые на русском!

© Т. Боровикова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

О РОМАНЕ «ТЫСЯЧА ЛУН»

Никто не умеет так писать и идти на такой поэтический риск, никто так не раздвигает границы языка и границы человеческого сердца, как Себастьян Барри.

Али Смит

Увлекательная книга, но при этом трогает сердце и душу... В ней, как во всех своих лучших книгах, Барри исследует жизнь с неожиданной точки зрения, и этот взгляд свеж, как молодая луна.

The Times

Потрясающе... Безжалостно, достоверно и так красиво, что дух захватывает.

Attitude

В числе удивительных талантов Себастьяна Барри как писателя — его безграничная эмпатия к персонажам. Он влезает в шкуры людей, которых река истории вроде бы смысла без следа, он чувствует их нервами и говорит их устами... Такое внимание к жизням отдельных людей в более общей картине поколений рисует человечную и выпуклую историю ирландского народа и его опыта эмиграции.

Irish Times

Захватывающая история мести и поисков своей идентичности... Ужасает, чарует и заставляет трепетать, и все это изложено уникальной лиричной прозой Барри, одновременно легкой и предельно насыщенной смыслом... такая отличная проза — настоящее волшебство, и его язык воистину универсален.

Observer

Барри увенчан лаврами как ирландский литератор, но он также заслуживает лавров за умение сочувствовать... Экстраординарное достижение.

Sunday Independent (Ireland)

Барри потрясающе умеет описывать. Его проза плотно сплетена и, кажется, в любой момент готова соскользнуть в повествование о человеческой жестокости — до такой степени, что добрые поступки персонажей встряхивают читателя почти так же, как и злые. От страниц исходит ровный тихий свет — неожиданные истории любви и уважения людей друг к другу. Но, к несчастью, «зло... завязало этот мир такими узлами, что добро может лишь надеяться распутать хотя бы несколько нитей».

Sunday Telegraph

Барри — искусный мастер. В этой книге он пишет еще лучше, чем в предыдущих. «Бесконечные дни» и «Тысяча лун» равно великолепны; вместе они — одно из выдающихся достижений современной литературы.

Scotsman

Читая Барри, понимаешь, что он на стороне добра... Внутренняя жизнь персонажей описана так, что эта книга никогда не устареет... К середине романа Барри успел настолько околдовать меня, что мне захотелось прочитать абсолютно все его произведения.

Spectator

Может, персонажи Барри и провалились в щели меж скрижалями истории, но в щедром, всеобъемлющем воображении писателя они обретают голос. Их жизни, часто нищие, мучительные, на грани выживания, становятся героическими, словно в классической эпопее.

The New York Review of Books

Винона с ее зорким взглядом служит нам проводником не только в уничтоженное прошлое, но и в мир вечной природы.

The Wall Street Journal

Упрощенному делению на «своих» и «чужих» Барри предпочитает ситуации, неоднозначные с точки зрения морали... В этой книге он, как всегда, балансирует между лиричным повествованием и грязным, мучительным миром, который он хочет нам показать... Политика и борьба за власть, мужская жестокость и расовые проблемы в этом романе измыслены с острой интуицией и беспощадным реализмом... Оттого, что эта проза беззащитно откровенна, а ее словарь позаимствован из простой повседневной речи и народных пословиц, мы доверяем писателю, зная, что он как нельзя более бережно коснется ужасных страниц нашего

коллективного прошлого, не обращая их в искусство ради искусства. Книга напоминает, насколько нужен нам этот редкий дар прирожденного рассказчика, чтобы разобраться в нашем прошлом и настоящем.

The Guardian

Атмосферная проза Барри запечатлела язык и неукротимый дух ушедшей эпохи.

The New Yorker

Барри прекрасно понимает, какие сложности таятся в его решении рассказать историю Виноны. В этом тонком, психологичном и тревожащем романе много умолчаний, много боли... Барри знает, что при такой истории жизни, как у Виноны, нельзя надеяться на искупление, но он показывает, что любовь дает по крайней мере искру надежды.

Financial Times

Кроме запоминающихся персонажей и мощной сюжетной линии, «Тысяча лун» рисует яркие образы языком ушедшей эпохи... как и в предыдущей книге о тех же героях, в этой разработаны бессмертные вопросы терпимости людей друг к другу и прав человека. Две книги вместе взятые заглядывают в самую суть мифов и идей, на которых построена эта страна... Очень заметно, что Барри любит и уважает Винону. «Тысяча лун» — искренний и хорошо написанный роман о бесстрашной самодостаточной героине, а именно таких нам очень не хватает.

Minneapolis Star-Tribune

Этот светозарный роман, горестный и возвышающий душу, принадлежит обладателю многих литературных наград, букеровскому финалисту Себастьяну Барри. Безусловно стоит прочтения.

Library Journal

Чрезвычайно поэтичная книга. Барри снова смещает сексуальные, личные и политические границы, повествуя о том, как смутные времена — вражда, беззаконие и раскол — влияют на людей, семьи и сообщества, и об отношениях тех, кто оказался по разные стороны в политическом споре.

Sunday Times

О РОМАНЕ «БЕСКОНЕЧНЫЕ ДНИ»

Удивительное и неожиданное чудо. «Бесконечные дни» — яростный и совершенный лирический вестерн, рисующий зарождение Америки. Этот рассказ от первого лица цепляет каждой строкой — самое захватывающее повествование из всего прочитанного мною за много лет.

Кадзуо Исигуро

Раскопки собственной юности и собственной неумолкающей совести... В герое Барри сочетаются пьянящая острота слова и способность изумляться миру. Эта проза настолько прекрасна, что дрожь пробирает. В голосе рассказчика-иммигранта — певучесть, несвойственная американской речи, и юмор неггибаемой молодости. Но в стране, тоже переживающей подростковый возраст, герой находит все тот же неотъемлемый человеческий парадокс, разрывающий сердце: равную неискоренимость любви и страха.

The New York Times Book Review

«Бесконечные дни» наполнены любовью к жизни и благожелательностью... Барри наделяет своего героя — жителя американского фронта — подлинной поэтичностью... Если кто-нибудь решит подчеркнуть в «Бесконечных днях» все фразы, обладающие грубоватой, природной, деревенской красотой, придется испещрить все страницы.

Time

Себастьян Барри — несравненный хроникер жизни, утраченной безвозвратно.

Irish Independent

Барри пишет невероятно красивым и живым языком, пульсирующим, подобно песне...

The New York Times

Пограничная сага Барри — головокружительное нагромождение зверства и таящейся от всех любви; кровавое и романтическое, жестокое и музыкальное. Грубоватый, но завораживающий голос персонажа-рассказчика проводит роман от хаотичного стаккато

битвы до мечтательных гимнов юности... Книга, от которой невозможно оторваться, сопоставляет ужасы истории с утешениями и радостями домашнего очага.

The Wall Street Journal

То откровенно жестокая, то донельзя простонародная... Внезапные повороты истории главного героя, Томаса, виртуозны, но при этом абсолютно естественны и правдоподобны. Книга пропитана черным юмором... Персонажи Барри, обитающие «в сей юдоли, где подстерегает ненасытная смерть», настолько живые, что у читателя захватывает дух.

The Washington Post

Мастерски сплетенная история любви, войны, искупления — один из лучших романов года. Животная жестокость, душераздирающие чувства, умело очерченные фигуры персонажей и голос рассказчика, берущий читателя в плен, — гарантирую, вы не скоро забудете прочитанное.

Minneapolis Star Tribune

Роман Себастьяна Барри взял меня за горло первым же предложением, да так и не отпустил. Барри пишет так, как будто завтра никогда не наступит — как будто дни бесконечны. Он уверенно ориентируется в мире вымысла, одним взмахом сметает нас с ног — и мы оказываемся в плутовском романе: жанре, как нельзя более подходящем для описания жизненного пути этого героя.

Дэвид Гутерсон
(автор романа «Снег на кедрах»)

Шедевр стиля и атмосферы... Отчасти похожий на книги Кормака Маккарти и Чарльза Портиса, роман «Бесконечные дни» — нестареющий образец исторической прозы.

Booklist

Невероятно... поэтично... замечательно... Потрясающая книга о любви, о грузе вины, о долге перед семьей.

Book Riot

«Бесконечные дни» — книга, потрясающая своей откровенностью; она составлена из предложений, ошеломительно красивых и таких емких, что их трудно выбросить из головы; повествование так динамично, что невозможно оторваться. На страницах романа

возникает мир в миниатюре — замкнутый на себя, укрытый от внешнего, священный; и мир пространств столь огромных и границ столь далеких, что их трудно вообразить. В целом приключенческая сага о семье Макналти — экспериментальная, вечно новая, захватывающая дух. По всей вероятности, она еще не окончена.

Guardian

Проза Барри мрачна и блистательна; всем, кто появляется на его страницах, ежеминутно грозит смерть, но даже в самых гибельных моментах есть элегантность и красота.

Library Journal

Томас, от лица которого идет повествование, воспеваает красоту мира и удивляется ей; изумляется он и месту человека в мире. Себастьян Барри уравнивает жестокие описания резни, голода и битв Гражданской войны поэтической манерой изложения и всплесками радости — Томас дивится чудесам природы и бесценному дару жизни... мучительный и прекрасный роман.

Shelf Awareness

Яростная, лиричная, берущая за душу книга — история войны и история удивительной любви... Стилль Барри, ирландского автора, приводит на ум великих американских писателей от Уолта Уитмена до Стивена Крейна и Кормака Маккарти... Лирическая проза Барри — огневая и нежная, полная жестокости и сострадания, — рисует широкую и в то же время детальную картину завоевания Америки и ее непрекращающихся поисков своего «я».

Richmond Times-Dispatch

Захватывающий роман... Все персонажи Барри — детально выписанные живые люди. Текст неизменно упруг и энергичен; предложения одно за другим выпрыгивают на читателя, полные сюрпризов.

The Bay Area Reporter

Есть романы, которые с первой же строки словно поют и с каждым словом взмывают все выше, чтобы наконец достичь обжигающей кульминации. «Бесконечные дни» — именно такая книга. В ней — величественная неизбежность лучшей прозы, несомненно историчной и при этом современной, ведь сегодня нас волнуют те же вопросы, что и героев книги. «Бесконечные дни» — совершенное творение, на сегодняшний день один из лучших романов года.

Observer

За один только потрясающий язык этот роман можно поставить выше других книг года. Эпическая по замыслу, но относительно небольшая по объему, книга Себастьяна Барри «Бесконечные дни» также подарила нам самого искусного рассказчика... Великий американский роман, который — так получилось — написан ирландцем.

The Times Literary Supplement

Назвать эту книгу современным шедевром — не преувеличение. Стил ь автора нежен и экономен, как паутина паука. Повествование взбирается все выше и выше и в конце концов взрывается кульминацией, жестокой и эффектной, как удар под дых.

The Times

Феноменально... Эта книга — жизнеутверждающая в самом подлинном и истинном смысле этого слова.

Daily Mail

Эпичная книга, лиричная и удивляющая на каждом шагу... насыщенный и упоительный роман.

Independent

Посвящается К.

Ведь иногда и остаться жить — дело мужества¹.

Сенека

¹ Луций Анней Сенека, «Нравственные письма к Луцилию», Письмо LXXVIII, цит. по пер. С. А. Ошерова. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я — Винона.

В ранние дни я звалась Оджинджинтка, что значит «роза». Томас Макналти очень старался это выговорить, но так и не смог и потому стал звать меня именем моей покойной двоюродной сестры — так было легче его губам и языку. Винона значит «перворожденная». Я не была перворожденной.

Мою мать, старшую сестру, двоюродных сестер, теток — всех убили. Они были души из племени лакота, что жило на этих старых равнинах. Я была не настолько мала, чтобы не помнить, — лет шести-семи, — но все равно не помню. Я знаю, что это случилось, так как после солдаты привезли меня в форт и я стала сиротой.

Маленькая девочка меняется много раз. Вернувшись к своему народу, я не могла с ними говорить. Помню, как сидела в типи с другими женщинами и не умела им отвечать. Тогда мне было уже лет тринадцать. Несколько дней спустя я снова обрела слова. Женщины бросились ко мне и стали обнимать, будто я только вошла. Они могли видеть меня, лишь когда я говорила по-нашему. Потом приехал Томас Макналти, чтобы забрать меня и отвезти обратно в Теннесси.

Даже если твой путь пролег через кровь и горе, потом все равно надо учиться жить. Оглядываться вокруг, узнавать, что к чему, растить или покупать всякое, по надобности.

Ближайший к нам городок в Теннесси назывался Парис. Ферма Лайджа Магана лежала милях в семи от него. С войны уже немало лет прошло, но городок все еще кишел демобилизованными северянами. Побитых южан там тоже было немало, но они вроде как таились

и форму свою, цвета тыквенной кожуры, не носили. На улицах на каждом шагу попадались бродяги. И солдаты ополчения, которые гоняли бродяг.

У города была тысяча глаз, и все за мной следили. Неуютное место.

Приходя в бакалейную лавку за покупками, я должна была говорить на чистейшем английском, чтобы не приключилось недоброе. Первые английские слова я переняла от миссис Нил, еще в форте. Потом Джон Коул дал мне два учебника грамматики. Я смотрела в них долго, хорошенько смотрела.

Индейцам и так достается, а если еще говоришь, как ручной ворон, то будет совсем плохо. Белые жители Париса и сами говорили не так чтобы очень хорошо. Многие были приезжими — немцы, шведы. Еще ирландцы, вроде Томаса Макналти. Они научились английскому, только когда уже приехали в Америку.

Но раз я молодая индейская женщина, мне, надо думать, приходилось разговаривать не хуже самой императрицы. Конечно, я могла бы просто сунуть продавцу список продуктов, составленный Розали Бугеро, работницей с фермы Лайджа. Но лучше было говорить.

А иначе вот что случалось бы: меня бы били каждый раз, как я появлялась в городе. Правильная речь спасала меня от этого. Какой-нибудь оборванный батрак с фермы смотрит на тебя, видит смуглую кожу и черные волосы и думает, что имеет право сбить тебя с ног и попинать. И никто ему слова поперек не скажет. Ни шериф, ни помощник шерифа.

Избить индейца — вообще никакое не преступление.

С Джоном Коулом, несмотря что он солдат и хороший фермер, плохо обращались в городе, потому что его бабушка или еще какая-то женщина в роду была из индейского племени. И это было видно по лицу, немножко. Его даже правильный английский не спасал.

Может, потому, что он был большой взрослый мужчина. Он не мог каждый раз рассчитывать на пощаду. У него было красивое лицо, так говорили люди и особенно Томас Макналти, но, наверно, горожане видели в нем индейца. Его сильно избивали, и он лежал страдающим бревном, и Томас Макналти клялся, что поедет и убьет кого-нибудь.

Но изъян Томаса Макналти заключался в его бедности. Мы все были бедны. Лайдж Маган и то был бедняк, хотя владел фермой, а мы стояли еще ниже Лайджа.

Мы были бедные, еще беднее Лайджа.

Когда бедняк что-нибудь делает, он вынужден это делать втихую. Например, если бедняк убивает, он должен это делать очень быстро и потом убегать из леса бегом, как косуля.

И еще Томас сидел в Ливенуортской тюрьме за дезертирство, поэтому при виде военной формы он дергался, хоть и говорил все время, что любит армию.

Я сама стояла ниже Розали Бугеро. Она была чернокожая и святая, вот что я вам скажу. Она выходила в лес на задах фермы Лайджа и стреляла кроликов из ружья своего брата. В славной битве с Тэком Петри — ну, для нас славной, во всяком случае, — когда он и его сообщники хотели нас ограбить и надвигались на нашу усадьбу с неумолимым намерением, Розали отличилась: она перезаряжала винтовки с небывалой скоростью, так говорил Джон Коул.

Но до войны она была рабыней, а рабы, конечно, очень низко стоят в глазах белых.

А я стояла еще ниже ее.

В глазах горожан я была лишь обгорелым угольком из индейского пожарища. Всех индейцев давно прогнали из округа Генри. Чероки. Чикасо. Люди не любят, когда уголек вдруг выскакивает обратно из костра.

В глазах Великой Тайны все души стоят наравне. Все пытаются сделать свою душу настолько тощей, чтобы она пролезла в рай. Так говорила моя мать. Все, что я помню о матери, — как кiset, в который ребенок сложил все свои сокровища и носит с собой. Когда Смерть касается такой любви, в сердце вырастает что-то еще глубже Смерти. Моя мать вечно суетилась вокруг нас — меня и сестры. Она все время хотела знать, как быстро мы бегаем, как высоко прыгаем, и без усталости твердила, какие мы красивые. А мы были просто маленькие девочки — там, далеко, на равнине, под звездами.

Томас Макналти иногда говорил, что я хорошенькая, как разные вещи, которые казались ему хорошенными, — розы, птички и прочее. Он говорил как мать, потому что у меня тогда уже не было матери. Мне было странно, что раньше, когда он был солдатом, он убил на войне много моих сородичей. Может, даже кого-нибудь из моей семьи убил. Он сам не знал.

«Я была слишком маленькая и ничего не помню», — обычно отвечала я на это. На самом деле нет, но разницы все равно никакой.

Когда-то мне было очень странно слушать его рассказы про это. У меня внутри, в середине тела, загорался огонь. У меня был собственный пистолетик с перламутровой ручкой — поэт Максуини подарил, еще в Гранд-Рapidс. Я могла бы застрелить Томаса. Иногда мне думалось, что я должна кого-нибудь застрелить. Конечно, я убила одного из людей Тэка Петри — не во время славной битвы, а в другой раз, когда они напали на нас на дороге. Я ему выстрелила прямо в грудь. И он тоже в меня выстрелил, но не ранил, только синяк остался.

Но у меня тоже была рана. Я была потерянным ребенком. Дело в том, что это они меня исцелили, Томас Макналти и Джон Коул. Наверно, они делали все, что в

их силах. Значит, они и нанесли мне рану, и исцелили ее, а это само по себе непреложный факт.

Наверно, у меня не было выбора. Когда у тебя отбирают мать, ее уже не догонишь. Не закричишь «Подожди меня!», когда ветер становится ледяным под волчьей луной и мать ушла далеко вперед в поисках хвоста.

В общем, Томас Макналти спас меня дважды. Во второй раз, когда он бежал через поле битвы и тащил меня за собой, одетую мальчишкой-барабанщиком (так получилось), Старлинг Карлтон хотел меня убить прямо там. Мы на него наскочили. Он махал саблей и кричал. Он сказал, что всех индейцев надо убить, таков приказ майора и он собирается его выполнить. И Томасу Макналти пришлось убить его самого. Томаса это очень опечалило. Они долго служили вместе.

Все это мне запомнилось отчетливо.

В детстве я часто плакала ни по чему. Я ускользала от всех и находила укромный уголок. Там выпускала на волю слезы, и у меня в глазах было так темно, словно я ослепла. Джон Коул шел меня искать. И он понимал, что надо просто обнять меня и не спрашивать о том, для чего у меня не было слов — ни на английском, ни на языке лакота.

Джон Коул. Он часто выражал свою любовь делами. Он дал мне те учебники грамматики, как я уже сказала, и стал меня учить, хотя сам был не очень учен. Он меня научил не только письму, но и счету.

Когда Лайдж Маган решил, что я готова, он пошел к своему другу, законнику Бриско, и спросил насчет работы. И я долго работала у Бриско, переписывала бумаги и вела счета. Я очень гордилась своим делом.

У законника Бриско был большой красивый дом и сад с цветами, какие в Теннесси не водятся, — в основном розы из Англии. Он написал книгу про свои розы, и ее

напечатали в Мемфисе. Она лежала на почетном месте у него в кабинете.

Как я уже сказала, Оджинджинтка значит «роза». Не знаю, какая в точности. Может быть, потерянная роза прерий.

Не настоящая, не такая, как у Бриско в саду. То, что было розой для моего народа.

Законник Бриско заставлял меня читать его любимые книги. Я брала их домой и читала в гостиной у печки. Ветерок с луга трогал и трогал страницы. То были приятные вечера, когда нечего делать, только слушать, как Теннисон Бугеро, любимый брат Розали, поет старинные песни. Я погружалась в раздумья. Раздумья, навеваемые книгами.

Конечно, это все было до того, как появился Джас Джонски. Мальчишка, не прочитавший в жизни ни одной книги, как я теперь понимаю. Он и письмо едва мог написать.

Все это было, сдается мне, в тысяча восемьсот семидесятых, после войны и после того, как Томас вернулся из тюрьмы. Может, даже в тот год, когда убили генерала Кастера. А может, прямо перед тем.

Но все годы пролетели или прошли. Как пони, что бегут по бесконечным травам прерий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джас Джонски был приказчиком в бакалейной лавке. Лавка принадлежала унылому привидению, которое звалось мистер Хикс. Впервые придя туда, я поняла, что направляюсь Джасу.

— Ты дочка Джона Коула, — сказал он без тени страха.

— Откуда вы знаете, что я дочка Джона Коула? — спросила я. Меня напугало уже и то, что меня узнали.

Он сказал, что прошлой осенью доставил нам на ферму какие-то тяжелые припасы в фургоне, и удивился, что я не помню, — ведь тогда он сделал мне комплимент.

— А теперь ты стала еще красивее, — сказал он. Смотри, какой храбрый.

Я не знала, что ответить. В своем роде это было как неожиданная засада. Я была готова обороняться. Томас Макналти говорил, что девушка должна не бояться и уметь пользоваться ножом и пистолетиком, все такое. У меня в подоле был зашит тоненький стальной ножичек на случай, если пистолет подведет. Английской стали. Томас Макналти показал, в какие места его лучше всего втыкать, если на тебя напали.

Но каждый раз, когда я приезжала в город за покупками, Джас Джонски был со мной любезен. Как будто бы теперь у меня было кому доверять в городе. Между нами что-то происходило, но я не могла подобрать этому имени. Мне казалось, это что-то хорошее. Я начала ждать следующей встречи и даже подгоняла мулов по дороге в город, что им было совсем не по душе.

Да, я явно нравилась Джасу Джонски. Он полгода отвечивал мне сахар и все прочее, а потом, когда у моей телеги отвалилось колесо, отвез меня на ферму

Лайджа Магана и разговорился с Томасом Макналти. Томас такой человек, что и с самим дьяволом не отказался бы поболтать, так что Джасу не стоило труда его разговорить. Так Томас Макналти и Джон Коул начали с ним знакомство. Я никогда не видела, чтобы Джон Коул смотрел на человека с такой неприязнью.

Но Джас Джонски был то ли слеп, то ли влюблен и вроде бы не замечал. Он стал являться к нам на ферму регулярно и, когда узнал, что Томас Макналти любит дорогой сорт патоки, что возят из Нового Орлеана, стал время от времени приносить банку этой самой патоки. Джас сидел, улыбаясь и болтая, Томас совал в банку прутик и облизывал, как медведь, а Джон Коул молча кривился. Он был равнодушен к патоке, кроме самой дешевой, что мы добавляли в табак после уборки урожая. Джас Джонски сиял улыбкой, как солнце, которое никак не желает заходить, несмотря на поздний вечер.

— Мне нравится в городе, — говорил Джас Джону Коулу, — но и здесь, на природе, тоже нравится.

Джон Коул молчал.

Самое большее, что Джон Коул позволял в смысле ухаживаний, это чтобы Джас походил со мной в лесу десять минут. Нам даже за руки не разрешалось держаться. У Джаса Джонски были скромные устремления — обзавестись собственной лавкой. Еще он туманно упоминал о переезде в Нэшвилль, где у него жила родня. Несколько раз он останавливался, ставил меня перед собой и начинал с жаром объяснять, как он меня любит. Было очень приятно смотреть, как он краснеет. Совсем как в романах, когда *бурные признания вырываются из груди его*.

Потом Джас Джонски решил, что может на мне и жениться, и спросил меня. Я не знаю, сколько лет мне тогда было, но, думаю, семнадцати еще не исполнилось. Я родилась в полнолуние месяца Оленя — это все, что я